

ЛУИ ДЕ БЕРНЬЕР

*МАНДОЛИНА КАПИТАНА
КОРЕЛЛИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б51

Серия «Эксклюзивная классика»

Louis de Bernières

CAPTAIN CORELLI'S MANDOLIN

Перевод с английского *А. Сафронова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
Е. Фerez

Печатается с разрешения с литературных агентств
Felicity Bryan Associates и Andrew Nurnberg.

Берньер, Луи де.

Б51 Мандолина капитана Корелли : [роман] / Луи де Берньер ; [пер. с англ. А. А. Сафронова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 736 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107597-2

Древний остров Кефалония помнит многих воинов: хитроумного Одиссея и его соратников-ахейцев, гордых эллинов на триерах, римлян с их железной поступью, искусственных в интригах византийцев, жестоких турецких порабитителей...

И теперь под оливы Кефалонии, где жизнь текла мирно и весело, как горный ручеек, снова пришла война. Страшная, беспощадная Вторая мировая.

Итальянские войска оккупировали остров, и уютный мир кефалонийцев распался на «до» и «после».

Таков фон, на котором предстоит разыгратъся истории итальянского капитана Антонио Корелли и юной дочери местного врача Пелагии.

Истории страстной, всепоглощающей любви, которую мужчине и женщине суждено пронести через всю жизнь и через все выпавшие на их долю испытания тяжелых военных лет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Louis de Bernières, 1994
© Перевод. А.А. Сафронов, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-107597-2

*Моим матери и отцу,
которые в разных местах
и разными способами сражались
против фашистов и нацистов,
потеряли многих ближайших друзей
и не получили никакой благодарности*

СОЛДАТ

Холодной тропею безмолвного мира
Ладные парни шагают в строю.
Ни смеха, ни звука. Приказ командира —
Занять оборону в умолкшем краю.

Их юность загублена, ей не цвести.
Любили, надеялись, жили напрасно.
И тонкому воздуху слов не снести,
Бездонное небо темно и ненастно.

Неслышно ступают по облачной тверди,
Во взорах печальных один лишь вопрос:
Ужель рассмеются в лицо подлой смерти,
Кто жизнь нашу в жертву бездумно принес?

На карте не сыщешь холодного поля,
И юноши рядом идут, как в строю.
Утешьтесь, солдаты, покоем без боли,
Коль счастье неведомо в тихом раю.

Хамберт Вулф

1. Доктор Яннис начинает свою «Историю» и расстраивается

Доктор Яннис провел неплохой день — никто из его пациентов не умер, и никому не стало хуже. Он присутствовал при удивительно легком отёле, вскрыл один абсцесс, удалил коренной зуб, прописал некой даме легкого поведения дозу «сальварсана», поставил малоприятную, но зримо плодотворную клизму и, проявив ловкость рук, сотворил чудо врачевания.

Он усмехнулся про себя: никакого сомнения — чудо это уже расхваливают как достойное самого святого Герасима. Доктора вызвали к старику Стаматису — тот жаловался на боль в ухе, — и доктор заглянул в ушное отверстие, промозглое, заросшее лишайником и сталагмитами больше, чем Дрогаратская пещера. Врачевание он начал с того, что вычистил лишайник с помощью намотанного на конец длинной спички кусочка ваты, смоченной в спирте. Доктор знал, что старик Стаматис с детства глух на это ухо, и оно у него постоянно болит, но все равно удивился, когда в глубине этого мохнатого прохода кончик спички наткнулся на что-то твердое и неподатливое; присутствие инородного тела невозможно было объяснить ни физиологией, ни анатомией. Он подвел старика к окну, рас-

пахнул ставни, и ворвавшиеся полуденный зной и свет мгновенно заполнили комнату лучезарным сиянием, словно какой-то настойчивый и чересчур осиянный ангел по ошибке выбрал это место для Богоявления. Жена старого Стаматиса крикнула: беспорядок это — впускать так много света в дом в такой час. Ну так и есть — пыль растревожили, вон они, пылинки-то, прямо летают по всей комнате.

Доктор Яннис наклонил старику голову и взгляделся в ухо. Длинной спичкой раздвинул заросли жестких седых волос в шелухе перхоти. Внутри было что-то похожее на шарик. Доктор поскреб его поверхность, чтобы удалить налет темно-коричневой едкой серы, и увидел горошину. Несомненно, это горошина — светло-зеленая, чуть сморщенная. Никакого сомнения.

— Ты засовывал что-нибудь в ухо? — строго спросил доктор.

— Да вроде только палец, — ответил Стаматис.

— А как давно ты глух на это ухо?

— Сколько помню себя.

В воображении доктора Янниса возникла нелепая картинка. Он представил Стаматиса ребенком: только-только научился ходить, но физиономия — такая же бугристая, такой же сутулый и с такими же волосатыми ушами; вот он карабкается на кухонный стол и берет с деревянного блюда сушеную горошину. Засовывает ее в рот, понимает, что она слишком твердая, не раскусить, и запихивает ее в ухо.

Доктор усмехнулся:

— В детстве ты, наверное, был большим шулуном?

— Суший бесенок.

— Молчи, женщина, ты меня тогда не знала.

— Мне твоя матушка рассказывала, упокой Господь ее душу, — ответила старуха, поджав губы и сложив на груди руки, — и сестры твои говорили.

Доктор Яннис раздумывал. Горошина, несомненно, давно окаменела, сидит слишком глубоко — так просто ее не вытащить.

— У тебя есть рыболовный крючок, примерно под кефаль, с длинным цевьем? И легкий молоточек?

Пара переглянулась с одинаковой мыслью: их доктор, должно быть, спятил.

— А при чем тут мое больное ухо? — подозрительно спросил Стаматис.

— У тебя чрезмерная аудиторная непроходимость, — ответил доктор, хорошо зная, что нужно подпустить этакой врачебной таинственности, и прекрасно понимая, что «горошина в ухе» вряд ли принесет ему вознаграждение.

— Я могу удалить ее рыболовным крючком и молоточком — это идеальный способ преодоления *un embarras de petit pois**. — Он произносил французские слова в жеманной парижской манере, хотя ирония была понятна ему одному.

Крючок и молоток немедленно доставили, и доктор аккуратно выпрямил крючок на камен-

* Помеха в виде горошинки (фр.).

ных плитах пола. Затем подозвал старика и велел ему положить голову на подоконник, где больше света. Стаматис лег, вращая глазами, а старуха прикрыла лицо руками, глядя сквозь пальцы.

— Поскорее, доктор! — воскликнул Стаматис. — На этом подоконнике жарче, чем в пекле.

Доктор осторожно вставил выпрямленный крючок в косматое отверстие и поднял молоток, но застыл от хриплого пронзительного крика — будто ворона закаркала. Ошеломленная старуха в ужасе заламывала руки и причитала:

— О-о-о-о, ты хочешь вогнать крючок ему в мозги! Господи милосердный, святые угодники и Мария, заступитесь за нас!

Доктор помедлил — он сообразил, что если горошина очень затвердела, вполне вероятно, жало крючка не проткнет ее, а загонит еще глубже. Можно даже порвать барабанную перепонку. Он выпрямился и задумчиво покрутил кончик седого уса.

— Меняем план, — объявил он. — По дальнейшем размышлении я решил, что лучше будет наполнить ухо водой и тем самым смягчить излишнюю окклюзию. Кирья*, вы должны держать это ухо в теплой воде до вечера, пока я не вернусь. Не позволяйте пациенту двигаться, пусть лежит на боку с полным ухом. Это понятно?

Доктор Яннис вернулся в шесть часов и успешно подцепил размякшую горошину без всякого молотка. Он проделал это довольно лов-

* Сударыня (*греч.*).

ко и преподнес горошину на освидетельствование паре. Никто из них не опознал ее, покрытую жирной темной серой, противную и вонючую, как нечто бобовое.

— Изрядная фасолинка, верно? — спросил доктор.

Старуха кивнула, будто что-то действительно поняла, но в ее глазах вспыхнуло изумление. Стаматис похлопал рукой по голове и воскликнул:

— А там холодно внутри! Господи, и громко! Я хочу сказать — все громко! И голос мой громкий!

— Мы вылечили твою глухоту, — объявил доктор Яннис. — По-моему, очень успешная операция.

— Мне сделали операцию, — самодовольно произнес Стаматис. — Мне одному из всех, кого я знаю, сделали операцию. И я теперь слышу.

Это чудо — вот что это такое. У меня голова будто пустая, будто полая и словно вся наполнена родниковой водой, такой холодной и чистой.

— Так пустая голова или полная? — строго спросила старуха. — Не пори чепухи — доктор был так добр и вылечил тебя.

Она взяла руку Янниса в свои и поцеловала; а вскоре после этого доктор уже шел домой, держа под каждой рукой по жирному куренку, из карманов пиджака торчали блестящие баклажаны, а в носовой платок была завернута древняя горошина — новый экспонат его личного медицинского музея.

Удачный день: еще он заработал два больших хороших лангуستا, банку с мальками, саженец ба-

зилика и получил приглашение вступить в половую связь (в любое удобное для него время). Он решил, что не примет это специфическое предложение, даже если «сальварсан» окажется эффективным. У него оставался целый вечер, чтобы написать историю Кефалонии, если только Пелагия не забыла купить керосина для ламп.

С «Новой историей Кефалонии» возникали сложности — писать ее, не примешивая собственные чувства и предубеждения, не получалось. Похоже, ему никак не удавалось достичь объективности, а на неловкие попытки он истратил бумаги, наверное, больше, чем обычно использовалось на всем острове за год. Голос, вторгавшийся в сочинение, был неистребимо его собственным и абсолютно не голосом историка. Он был лишен величия и беспристрастия. В нем не было олимпийского спокойствия.

Доктор сел и написал: «Кефалония — фабрика по разведению детей на экспорт. Кефалонийцев больше за границей или в море, чем дома. Отсутствует местная промышленность, сохраняющая семьи, недостаточно пахотных земель, не хватает рыбы в океане. Наши мужчины уезжают за границу и возвращаются сюда умирать, поэтому мы — остров детей, старых дев, попов и глубоких стариков. Хорошего во всем только то, что лишь красивые женщины находят себе мужей среди оставшихся мужчин: таким образом, гнет естественного отбора обеспечил нас самыми красивыми женщинами во всей Греции, а может быть, и в целом Средиземноморье. Неблагопри-

ятная сторона — то, что наши красивые и пылкие женщины замужем за нелепыми и никудышными мужчинами, которые никогда и ни на что не годились; а также то, что у нас остается некоторое количество унылых и непривлекательных женщин, которые ни в ком не вызывают желания и рождены быть вдовами, никогда не имевшими мужей».

Доктор Яннис набил трубку и перечитал написанное. Прислушался, как Пелагия гремит посудой на дворике, готовясь варить лангуста. Он прочел то, что написал о красивых женщинах, и вспомнил свою жену — такую же хорошенькую, какой стала и дочь, жену, умершую от туберкулеза, хотя он сделал все, что было в его силах.

«Остров предает жителей просто фактом своего существования», — написал он, а затем скомкал лист и швырнул в угол комнаты. Так не пойдет; ну почему он не может писать, как летописец? Почему не может писать без страсти? Без гнева? Без ощущения, что кто-то его предает и подавляет? Доктор взял лист, уже погнувшийся на уголках, — его он написал первым. Это была титульная страница — «Новая история Кефалонии». Он зачеркнул первое слово и заменил его на «собственная». Вот теперь можно не беспокоиться, что упущены яркие прилагательные, и не завидовать древним историкам; теперь он мог быть язвительным к римлянам, норманнам, венецианцам, туркам, британцам и даже к самим островитянам. Он написал:

«Полузабытый остров Кефалония непредусмотрительно и необдуманно поднимается из Ионического моря; этот остров так погружен в древ-

ность, что даже камни здесь дышат тоской по прошлому, а красная земля оглушена не только солнцем, но и неподъемным грузом памяти. Корабли Одиссея были построены из кефалонийской сосны, в его охране были кефалонийские гиганты, а некоторые утверждают, что и дворец его находился не на Итаке, а на Кефалонии.

Но даже до того, как этот лукавый странствующий царь получил покровительство Афины и пустился по воле волн наперекор неумолимой злобе Посейдона, народы мезолита и неолита уже вытесывали ножи из обсидиана и забрасывали сети в море. Пришли микенские эллины, оставили после себя черепки амфор, похожие на женскую грудь могилы и потомство, которое много лет спустя после отплытия Одиссея будет сражаться за Афины, попадет под тиранию Спарты, а затем нанесет поражение даже страдавшему манией величия Филиппу Македонскому — отцу Александра, почему-то известного как “Великий” и все же еще более бессмысленно одержимого.

Этот остров населяли боги. На вершине горы Энос находилась одна гробница Зевса, другая — на крохотном островке Тиос. Деметре поклонялись за превращение острова в житницу Ионии — так же, как и Посейдону, богу, который похитил Деметру, скрывшись под личиной жеребца, и оставил ее рожать черную лошадь и мистическую дочь, чье имя позабылось, когда элевсинские мистерии*

* В Древней Греции ежегодные религиозные празднества в городе Элевсин в честь Деметры и Персефоны.

были вытеснены христианами. Здесь жил Аполлон, убийца Пифона, хранитель пупа земли, прекрасный, юный, мудрый, справедливый, сильный, преувеличенно двуполоый — единственный бог, которому пчелы построили храм из воска и перьев. Здесь боготворили и Диониса, бога вина, наслаждения, цивилизации и произрастания, от которого Афродита родила маленького мальчика, снабженного самым колоссальным пенисом, когда-либо обременявшим человека или бога. И у Артемиды здесь имелись почитатели — у этой многогрудой девы-охотницы, богини столь непреклонно феминистских убеждений, что Актеона собаки разорвали на куски лишь за то, что он случайно увидел ее обнаженной, а героя-любownika Ориона скорпионы зажалили до смерти потому, что он непредумышленно ее коснулся. Она столь ревностно придерживалась этикета и была так скоро на расправу, что за одно только не вовремя сказанное слово или пятиминутную задержку с жертвоприношением могла уничтожать целые династии. Там были и храмы в честь Афины, вечной девственницы, которая (проявив большую снисходительность в сравнении с Артемидой) ослепила Тиресия, увидевшего ее обнаженной. Она была грандиозно одарена в ремеслах, столь необходимых в экономике и домашнем быту, и служила покровительницей рогатого скота, лошадей и олив.

В своем выборе богов жители острова проявили великолепный и нестигаемый здравый смысл, ставший секретом их выживания на протяжении столетий: очевидно, что царю божеств следует по-